

ИТЕЛЬМЕНЫ, ительмень, итэнмъи (самоназв., букв. « тот, кто существует», «местный житель»). Численность в Российской Федерации 2429 чел., коренное нас. Камчатки. Говорят на ительменском яз. (устар. — камчадальский яз.). Диалекты: напанский, седанкинский, сопочновский, хайрюзовский. Верующие И. — православные. Компактно (1179 чел.) проживают в Тигильском р-не Корякской АО и в Магадан. обл. (509 чел.).

Древнейший субстратный пласт, легший в основу формирования И., связан с мезолитич. культурой бродячих охотников-рыболовов. Археологич. материалы свидетельствуют, что истоки этой культуры восходят к р-нам вост. Монголии, откуда она распространилась затем в Прибайкалье, Приамурье, на значит. часть вост. Сибири и Сев.-Вост. Азии, в т. ч. на Камчатку и Алеутские о-ва. Антропологич. данные также подтверждают генетич. связи И. с древними представителями монголоидной расы. Об этом свидетельствует и наличие в ительмен. яз. языкового субстрата,

имеющего древнейшее происхождение.

Следующий этап этногенеза И. связан с ранненеолитич. тарыинской культурой на терр. центр. и юж. Камчатки, близкой неолитич. культурам континентальной Сибири (Лены, Прибайкалья, Приамурья и Приморья). Этнич. основу носителей тарыинской культуры составляли неолитич. рыболовы-охотники, проникшие на Камчатку из Приленья, Приамурья и Приморья. Здесь они смешались с остатками более древнего эскоалеутского нас. и частично унаследовали его культуру.

С 5 тыс. до н. э. до сер. 17 в. н. э. сохранялись традиц. элементы тарыинской культуры, носителями к-рой, по мнению большинства учёных, были древние И. Это подтверждается также этнографич. сопоставлениями. Неолитич. землянки по своим конструктивным особенностям напоминают жилища И. Мощные напластования рыбных костей свидетельствуют о доминирующей роли рыболовства, что также типично для И. Неолитич. инвентарь: наконечники стрел, копья, топоры, скребки и др. — очень близок к каменным и костяным орудиям, к-рые застали у И. в 18 в. рус. исследователи С. Крашенинников и Г. Стеллер. Отсутствие в памятниках тарыинской культуры антропологич. материала объясняется тем, что носители этой культуры, как и И., оставляли покойников на поверхности земли. Останки в таких случаях не сохраняются, их разносят птицы и звери.

Отраженные в фольклоре И. природные явления, флора и фауна имеют ярко выраженный камчатский облик, что дает основание считать, что осн. этнич. черты, характерные для И., сформировались на Камчатке и относятся к весьма давнему времени. Но кроме местных, камчатских корней И. имеют и др. генетич. истоки. Многие культурные особенности И. (техника плетения, особый тип нарт, собачьей упряжки, одежда из птичьих шкур, необычайно развитая культура собирательства и др.) совершенно не характерны для их соседей по региону и несут на себе отпечатки иной природно-географич. среды, роднят И. с народами Приамурья, Приморья, Сев. Америки. Генетич. независимость И. среди соседей-палеоазиатов подчеркивает фонетич. своеобразие ительмен. яз. Степень консонантной насыщенности, наличие глottализованных смычных, косвенно-объективного спряжения сильно сближает его с amer.-индейскими яз.

К кон. 17 в. (приходу русских на Камчатку) И. составляли осн. нас. п-ова и распадались на пять территориальных, скорее всего племенных, групп: бурин, суаччю-ай, кыхчерен, лигнурин и кулес. Общая числ. в кон. 17 в. была 12—13 тыс. чел. В языковом отношении составляли три большие группы: вост. (тихоокеанское поб. и долина р. Камчатки),

юж. (р-н Большерецка—Петропавловска) и зап. (Охотское поб.). Языковые различия наблюдались и внутри групп. К нач. 20 в. сохранился лишь зап. ительмен. яз., испытавший значит. воздействие коряк. яз. Вост. и юж. ительмен. яз. полностью утрачены, сведения о них ограничиваются лишь небольшим лексич. материалом.

В кон. 17 в. И., или камчадалы, как называли их русские, занимали центр. часть п-ова. Сев. границей их расселения на зап. поб. была р. Тигиль, на вост. — р. Ука. На Ю. поселения И. тянулись до самой оконечности п-ова. С вхождением Камчатки в состав России большинство терр. групп И. оказалось в зоне интенсивных контактов с russkimi. В результате многочисл. воен. столкновений с казаками, межплеменной вражды, эпидемий и голодовок их числ. стала быстро сокращаться. Внутр. раздробленность народа, преобладание локального самосознания способствовали ускоренному развитию ассимилятивных процессов. Уже в 1-й трети 18 в. значит. часть казаков и промышленников находилась в фактич. брачных связях с ительменками. На этой основе началась быстрая деформация обществ. строя И., утрата языка и этнич. самосознания. На Камчатке стала складываться особая этнич. среда, менялся физич. облик коренного и рус. нас., на базе традиц. промыслов И. и новых видов хоз. деятельности, принесенных казаками и крестьянами, шло формирование новой синкретич. культуры. В 40-е годы 18 в. И. были крещены, и стали создаваться рус. школы.

К кон. 18 в. на п-ове насчитывалось ок. 3 тыс. камчадалов-И., к-рые фактически представляли собой субэтнос рус. народа — особую этнокультурную группу, основу к-рой составляли потомки обрусевших И. — бурин, суаачю-ай, кыхчерен и отчасти зап. И. Со 2-й пол. 19 в. процесс обрусения камчадалов ускорился. Особенно интенсивно он шёл в долине р. Камчатки, где сосредоточивалась осн. масса русских. Камчадалы все больше теряли свои локальные особенности, растворяясь во всё увеличивающейся массе рус. нас.

По мере того как менялся антропологич. тип И. и рус. старожилов, трансформировались их язык, культура, этнич. самосознание, менялась и семантика этнонима камчадалы. С нач. 19 в. он приобретает собират. значение, его распространяют и на др. слои нас. — потомков казаков, старожилов Камчатки, всех ее жителей. После 1917 процесс слияний камчадалов с рус. усилился в рамках внутр. консолидации рус. нации, однако известная часть местных жит., в осн. в долине р. Камчатки, продолжала считать себя камчадалами. Медленнее проходила ассимиляция И. (кулес и лигнурин) на зап. поб. п-ова, где кроме казачьего Тигиля не было др. рус. населённых пунктов. К сер. 19 в. у местных

И. сохранялись родной язык, многие элементы традиц. культуры, двойственный характер носило самосознание — жители относили себя то к И., то к камчадалам. Процесс обрусения заметно ускорился в нач. 20 в., когда на поб. открылись рыбные промыслы, но и в этой ситуации хайрюзовская группа И. резко отличалась от камчадалов. Регистратор Приполярной переписи Е. П. Орлова нашла в 1926—27 в 9 селениях зап. берега Камчатки (Аманино, Седанка оседлая, Напана, Утхолок, Ковран, Хайрюзово, Морошечное, Белоголовое и Сопочное) жителей со всё ещё ярко

Ительмены. Зимнее жилище.

выраженными этнич. и антропологич. особенностями. В качестве И. они и были зафиксированы переписью (825 чел.).

Для этнич. развития И. в последние десятилетия характерны противоречивые тенденции. Политика нац. возрождения народов России, активно проводившаяся в первые годы сов. власти (образование Ительменского нац. р-на, разработка письменности, обучение на родном языке и др.), способствовала развитию И. как народа, укреплению их этнич. единства, повышению однородности сложившейся к тому времени культуры, усилинию культурно-информационных связей. В то же время социально-культурные преобразования вели к расширению этнич. контактов, росту интеграционных процессов, естественной ассимиляции небольшого народа, гл. каналом к-рой стали межнац. браки. К сер. 60-х годов 20 в. у И. уже не было семей, к-рые в той или иной степени не имели бы кровной связи с русскими и др. народами. Однако ассимиляционные процессы в новых условиях 20 в. сопровождаются ростом этнич. самосознания, общ. числ. народа. В 1959—89 она увеличилась с 1,1 до 2,5 тыс. чел. При этом большинство (76,6%) И. считает рус. яз. родным.

Традиц. занятие И. — рыболовство. Гл. объекты промысла — лососевые породы рыб. Большая часть рыбы добывалась запорами, использовали также разл. крючки и сети из крапивных ниток. С появлением привозной пряжи стали изготавливать невода. Рыбу заготавливали впрок в вяленом виде (юкола), квасили её в специальных ямах, зимние уловы замораживали. Кален-

дарь промысла (с апр. по нояб.) и заготовки рыбы определял весь цикл хоз. деятельности. Важную роль играли морской зверобойный и охотничий промыслы. Добывали тюленей, медведей, диких баранов и оленей, пушного зверя. В 18 в. юж. И. охотились на китов с отправленными стрелами, на вост. поб. добывали каланов и котиков. Гл. орудия промысла — лук и стрелы, различные капканы и ловушки, сети, петли, копья. С приходом russkikh распространилось огнестрельное оружие. Продукция зверобойного промысла использовалась в собственном х-ве (мясо и жир в пищу, жир — для освещения жилищ, шкуры для изготовления одежды, обуви, утвари) и обменивалась у коряков на оленьи шкуры, мясо и сухожилия; пушниной (гл. обр. соболь и лисица) платили ясак, вплоть до 20 в. она была единственной товарной продукцией. Рыболовство и охота являлись мужским занятием, но обработкой и заготовкой рыбы занимались женщины, они же изготавливали и крапивные нити для сетей. Сети вязали, как правило, пожилые мужчины.

Отличит. особенность хоз. комплекса И. — широко развитое собирательство, к-рым занимались женщины. Собирались разл. виды съедобных растений (борщевик, кипрей, сарана, шеломайник, кемчига, черемша и др.), ягод, лекарственных трав, орехов кедрового стланика. Продукты собирательства запасались на зиму в сущеном, вяленом, копченом виде. Из растений женщины изготавливали циновки, мешки, корзины для хранения запасов, защитные панцири, накидки. И. знали гончарство.

Орудия труда делали из камня, кости и дерева, для изготовления ножей и наконечников гарпунов применялся горный хрусталь. Огонь добывали с помощью деревянного сверла. Средствами передвижения служили летом долблевые колодообразные лодки-баты, к-рые нередко сдавали или даже сстраивали в один большегрузный паром, зимой — собачьи упряжки, скользящие и ступательные лыжи (плетеные) — «лапки». У И. особый тип нарт с двумя парами дугообразных копыльев и седловидным сидением, изготовленным из тонких деревянных реек, скреплённых прочными ремешками. Нарты орнаментировались, садились на них с правой стороны боком. Ительмен. способ упряжи отличается от чукотско-камчатского типа упряжного собаководства.

Тесные связи И. с рус. нас. Камчатки способствовали распространению среди них новых занятий. Уже во 2-й пол. 19 в. во всех ительмен. селениях имелись огороды с посевами картофеля и овощей, кр. рог. скот и лошади. От рус. И. получили более совершенные орудия труда, заимствовали технику рыболовного и охотничьего промыслов, совр. способы

консервации рыбы. В последние десятилетия хоз. комплекс И. существенно изменился. Исчез как отрасль х-ва морской зверобойный промысел, утратили былое значение сухопутная охота и собирательство. Гл. занятие И. — рыболовство превратилось в высокотоварную, технически оснащенную отрасль обществ. произ-ва, однако на промысловых судах И. работает мало. Большинство тех, кто занят в этой отрасли, предпочитают традиц. сетной промысел. В совр. структуре занятости И. преобладают новые занятия: животноводство, стр-во, промышленная рыбообработка, значит, часть И. работает в системе нар. образования, в здравоохранении, жилищно-коммунальном х-ве и др. сферах обслуживания. Ок. 40% И. — гор. жители.

К кон. 17 в. И. находились на стадии разложения первобытного строя. Преобладающей формой социальной организации у И. повсеместно становилась большая патриархальная семья. Зимой её члены жили в одном жилище, летом семейная община распадалась на малые семьи, ведущие самостоят. х-во. Существовали объединения больших семейных общин во гл. со старшиной-тойоном, регулировавшим жизнь поселения. Члены таких объединений были связаны узами родства, общими культурами, совместно владели промысловой терр. Господствовала общинная собственность на ср-ва произ-ва, однако появились уже и т. н. «лучшие мужики». Бытовали ранние формы рабства, для брачных отношений была характерна полигамия.

Несмотря на абсолютный приоритет мужчины, женщина занимала в семейной и обществ. жизни И. достаточно высокое положение, отчетливо прослеживались черты материнского рода: временное матрилокальное поселение жениха в общине невесты, отработка за жену, исполнение мужчиной ряда т. н. жен. обязанностей (напр., приготовление пищи и др.).

Племенная орг-ция не успела сформироваться. Хотя терр. группы обладали характерными для племени признаками (особое назв. и диалект, общность этногр. черт и др.); но племенное самоуправление отсутствовало. Большие семейные общины и общинные объединения даже в рамках одной терр. группы постоянно враждовали между собой, вели многочисл. войны.

Поселения И. (острожки) располагались по берегам рек, недалеко от устья, обносился частоколом или земляным валом. Состояли из одной или неск. общинных подземлянок-юрт, вмещавших 100 и более чел., и летних жилищ для малой семьи. Планировка — беспорядочная. Осн. строит. материалом служило дерево. Каркас юрты из столбов и жердей обкладывался сухой травой и засыпался землей. Снаружи юрта имела вид небольшого округлого холмика,

входом служило дымовое отверстие в крыше. Пол и стены внутри юрты, прямоугольной в плане, покрывались циновками. В центре, под входом, находился очаг, вдоль стен устанавливали нары. Входили в жилище по лестнице-бревну с зарубками. К кон. 18 в. полуzemлянка была вытеснена избой рус. типа. Из хоз. построек у русских были заимствованы срубные амбары и примитивные постройки для скота.

Летним жилищем служил крытый травой шалаш-балаган пирамидальной формы из прутьев или тонких кольев на высоком свайном помосте. Имелись две двери — одна против др. Балаганы строились не только в острожках, но и в сезонных поселениях на месте промысла, где они использовались как хоз. постройки. Поднимались в балаган также по бревну-лестнице. С переходом И. в срубные избы балаган перестал служить летним жилищем.

Носили И. глухую меховую одежду из шкур оленей, собак, морских животных и птиц, при изготовлении зимней промысловой обуви использовалась также рыбья кожа. Обработкой материала, изготовлением одежды и обуви занимались женщины. В набор повседневной муж. и жен. одежды входили штаны, кухлянка рубашечного покрова с капюшоном и нагрудником, камлея, отличающаяся от кухлянки большей длиной (до пят), и торбаса. Зимой кухлянка и штаны были двойными: ниж. — мехом вовнутрь, верх. — мехом наружу. Жен. торбаса отличались от муж. большей длиной голенища — до колена. До прихода русских зимним муж. головным убором служили шапки из птичьих перьев и разного меха, летом — деревянные шляпы вроде алеутских, а также берестяные умбракулы с завязками на затылке. Женщинам головным убором зимой служил капюшон кухлянки. В домашних условиях женщины носили комбинезон (хоньбы), мужчины — ременный пояс с кожаным футляром для полового органа и ременной барабанной сзади. В качестве защитной одежды использовались плетенные из травы дождевики и соломенные циновки. Праздничная одежда — парка (меховая одинарная глухая рубаха). Детская одежда по покрою ничем не отличалась от взрослой, спец. ритуальной и погребальной одежды И. не имели. У русских было заимствовано ношение нижнего белья, летней одежды и украшений.

Украшением одежды служили расширенные оленым волосом, крашеной шерстью и кусочками белой лайки подзоры (опуваны), к-рые пришивались к подолу кухлянки или парки. Традиц. узор на подзорах — расположенные в три ряда клетки, окаймленные сверху и снизу красным или черным мандарным ремнем. Для декоративного оформления одежды широко использовались также медальоны, меховая опушка, кра-

шенные ольхой или минеральной краской ремешки.

Еще в нач. 18 в. И. носили оригинальные прически. Замужние женщины заплетали волосы в мелкие косички, концы к-рых собирались в одну-две большие косы. Для пышности в косы вплетали дополнительные волосы, применяли травяные парики. Прическу обильно смазывали рыбьим или тюленым жиром. Девушки носили неск. небольших косичек, свисающих вокруг головы. Мужчины заплетали волосы в две косы.

Основа пищи — рыба. Наиб. распространённые рыбные блюда — юкола, чуприки (запеченная особым способом рыба), вяленая лососевая икра. Пищу готовили и подавали в деревянной и берестяной посуде. Зимние уловы замораживали. Лакомством считались квашеные рыбьи головы. Употреблялась вареная рыба, к-рую готовили в деревянных корытах, нагревая воду раскалёнными камнями. Дополнением рыбного меню были мясо и жир морского зверя, растит. продукты (травы, коренья, клубни сараны, сушёные ягоды). Тюлений и рыбий жир — непременный компонент всех блюд нац. кухни. Обязательное праздничное блюдо — толкуша, к-рую готовили из кореньев и ягод, растёртых с икрой, нерпичим или китовым жиром и вареною рыбой.

В качестве опьяняющего или наркотического средства использовался настой кипрея, в к-ром предварительно вымачивали мухоморы. От русских заимствовали различные способы копчения и соления рыбы, употребление в пищу картофеля и мучных изделий, приготовление супов, чая с молоком.

Характерная особенность духовной культуры И. — необычайно развитое танцевальное искусство. Танцы являлись составной частью повседневного быта, всех нар. праздников и носили массовый характер. Обрядовые танцы устраивались по случаю добычи медведя, сивуча, тюленя и др. животных. Основу хореографии таких ритуалов составляло подражание животным и птицам, имитация их голосов и повадок. Бытовые танцы разделялись на муж. и жен. Для последних характерно сочетание круга с солисткой, большая подвижность верхней части туловища и неразвитый пространственный рисунок. В отд. жен. танцах отчетливо прослеживались следы древних мистерий. Нар. праздники И. связаны с годовым хоз. циклом. Гл. праздник года, длившийся около месяца, проходил в нояб. после завершения промысла и оканчивался спец. обрядом очищения — прохождением сквозь обручи из березовых прутьев. Промысло-хоз. календарь совмещался в 19 в. с православным календарем. Праздновались православные праздники — Рождество, Пасха, Успение; соблюдались осн. православные

обряды — крещение, венчание, отпевание. Погребение совершилось по православному обряду — уже в 1-й четв. 19 в. в камчадальских с. путешественники отмечают православные кладбища. Среди камчадалов существовала традиция крещения детей и получения имён по рус. православному календарю. Первоначальные рус. фамилии получены предками И. по фамилиям духовных лиц и лиц служилого сословия, принимавших участие в миссии Иосафа Хотунцевского по крещению камчадалов в 40-е годы 18 в.

Наиб. развитые виды нар. прикладного иск-ва — вышивка, худож. плетение из травы и кож. ремешков, тиснение по бересте, аппликация из меха,

резьба по кости и дереву. Для орнаментики И. характерны редкие у др. сев.-вост. палеоазиатов фигуры в виде сердечек, ромбич. сетки, всевозможных кривых линий. Центральный персонаж фольклора И. — ворон Кутх, создатель всего сущего, добывший землю из водного хаоса и устроивший её, патриарх «вороньего» семейства, от к-рого произошли люди. Он культурный герой, научивший людей ловить рыбу, плести сети, делать лодки. Он — первопредок и могучий шаман. Аналогичный персонаж присутствует в фольклоре сев.-зап. индейцев, коряков, чукчей и эскимосов и др. народов Сев. Азии и Сев. Америки. В совр. условиях традиц. нар. культуры развивается в рамках худ. самоде-

ятельности. Создан и первый проф. ительмен. ансамбль «Эльвель».

Традиц. верования и культуры И. связаны с поклонением духам-хозяевам. Особенно почитался хозяин моря Митг, в его честь устраивался осенний праздник очищения. Существовал шаманизм, но ительмен. шаманы не имели обрядовой одежды и бубнов. В роли шаманов обычно выступали женщины. Все стороны жизни и быта И. регламентировались разл. поверьями и приметами: в первый день охоты нельзя было выбрасывать на улицу сор, пепел и горящие угли; категорически запрещалось спасать утопающих; встреча с ящерицей означала скорую смерть и т. п.

В. А. Тураев (Владивосток).